

Николай Смирнов. Шествие образов или Иное время, иная страна. Фрагменты лирического романа / Серия «Ярославский писатель» /. - Ярославль: ИПК «Индиго», 2013. - 272 с.

Современную художественную литературу отличает подчеркнутая биографичность мыслей и образов, лаконичное, и даже, пунктирно-цитатное их описание. Кажется, в этом сегодня проявился писательский и читательский общественный запрос, пытающийся отыскать пространство свободы или какое-то иное пространство, применительно к себе вместе с кем-то, кто обрёл опыт такого путешествия.

Новая книга мышкинского писателя Николая Васильевича Смирнова появилась накануне Нового 2014 года, словно какой-то мистический подарок. Кто следит за творчеством мышкинского автора, знает, что «Шествие образов» - это ключевая, даже фундаментальная, формула, живая идея мировосприятия, сложившаяся ещё в молодые годы Николая Васильевича. Следует, здесь сделать оговорку, - мировосприятия духовного, поскольку и слово «шествие» и слово «образ», семантически восходят к божественному первообразу, и передаются писателем в значении не искаженном, ни литературно «заигранным».

Итак, перед нами книга коротких рассказов и миниатюр, скомпонованных, словно по древнегреческому образцу, в XI книг-глав. Автор серьёзного послесловия профессор Е. Ермолин замечает сложность в определении жанра, называя его «смирновской» стихопрозой. «Сотканная таким образом словесная ткань удивительна и донельзя характерна острой, почти болезненной впечатлительностью - и, одновременно, осязаемостью касания к самым тонким материям и даже, как иногда чудится, иным мирам». Действительно, многие рассказы есть переложение ранее написанных стихов, и очень живо угадываются. Но это не повторения, а какие-то новые прочтения, точнее перечитывания, с явным возвращением к первоисточнику идеи и её смыслополаганию, их философско-историческое и художественное комментирование. Интертекст по отношению к собственному творчеству.

И такое *комментирование* воплощается в какую-то особую жанровость. В этом мерцательном переключении стиха и прозы, беседы поэта с прозаиком, то есть самим с собою, чувствуется какая-то древняя поэтика, оваянная скрижальной вечностью сила слова. Автор подводит читателя то к античному историку Фукидиду, то к евангельским священным текстам, то к классическим литературным ассоциациям. И все это проступает сквозь мышкинско-ярославскую повседневность жизни писателя и героев-персонажей его книги, хорошо знакомую, тем интересную и удивительную, что расширяет и усложняет наше представление о творческой «кухне», делают её более близкой и понятной, иногда несколько ироничной, но ни в коей мере не упрощённой.

Это и «книга странствий». Все её герои - люди-образы, мысли-образы, слова-образы, как и сам автор, куда-то двигаются сообразно одухотворенной запредельности. «Если бы взглянуть на шествие с высоты, то увиделось бы,

что все образы как бы вышиты живыми нитями из звуков ангельского пения на холщевых дорогах Богородицыного плата». Движение, уничтожившее время, туда, где перед Богом все равны, где действует иконический объединяющий закон «обратной перспективы», где «свобода», «мать-красота», «история», «молчание», «правда», предстают во всей своей неизбежности и очевидности. На стыке «яви» и «сна» Николай Васильевич осмысливает и свое место как писателя, уже вполне открыто, обращая наше внимание на всю непростую суть этого соприкосновения.

О.Б. Карсаков, «Мышкинская «Люция» №6 2014, стр. 48-49